

СТАТЬИ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ТИМУРА

А. П. Новосельцев

Мировая история древности и средневековья насыщена именами различных крупных и мелких завоевателей, создававших иногда недолговечные, а порой более или менее устойчивые государственные образования или даже «мировые» империи. Одним из таких завоевателей являлся Тимур, известный европейским народам как Тамерлан (от персидского «Тимур-ланг» — «хромой Тимур»). Он основал в 70-х годах XIV в. в пределах Мавераннахра государство, границы которого затем распространились до Эгейского моря и Палестины на западе, а завоевательные шупальца протянулись через Дашт-е кыпчак¹, чтобы проникнуть на Русь, только что вышедшую из схватки с Золотой Ордой. История государства Тимура во многом напоминает историю державы Чингиз-хана.

Будучи поклонником основателя Монгольской империи, Тимур поставил перед собой задачу, которую так и не удалось разрешить его предшественнику: создание «мировой империи». Но если Чингиз-хан как представитель кочевой среды пределы будущей империи измерял территорией, куда дойдут копыта монгольских коней, то Тимур формулировал свои планы гораздо определеннее, утверждая: «Все пространство населенной части мира не заслуживает того, чтобы иметь больше одного царя»².

О Тимуре написано немало. Источники об этой эпохе и о Тимуре по большей части давно известны, опубликованы и исследованы. Пожалуй, единственный упрек, который можно в данном случае сделать историкам, — это недостаточное использование закавказских (армянских и грузинских) и некоторых арабских источников. Эти материалы содержат интересные данные не только о походах Тимура в Закавказье и арабские страны, но и любопытные характеристики и подробности, касающиеся международных отношений той поры, а также деятельности самого завоевателя.

Поэтому в данной статье уделяется большее внимание означенной группе материалов, чем в других исследованиях, о времени Тимура. В нашей историографии принято делить все источники по этому сюжету как бы на две большие группы. К первой относятся источники, вышедшие из придворной среды завоевателя или его наследников. Наиболее известными из них являются хроники Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йазди, проникнутые глубоким почитанием «Железного хромца»³. Используя опыт придворной историографии восточных стран,

¹ Дашт-е кыпчак (Кыпчакская степь, ср. русское Половецкое поле) — обширная территория, охватывавшая в XI—XV вв. степное пространство современной европейской части РСФСР, Украины, а также Казахстана.

² Цит. по: Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. 1972, стр. 483.

³ «Темюр», «темир» — в тюркских языках «железо». Отсюда, видимо, и употребляющееся иногда имя «Железный хромец».

авторы их нарисовали величественную фигуру жестокого, но мудрого и справедливого государственного деятеля, синтезирующего качества, пришедшие в прошлом Низам ал-мульку и Чингиз-хану. Было бы, однако, неверно утверждать, что Шахи и Йазди умалчивали о «подвигах» Тимура в покоренных странах. Да они и не ставили перед собой такой цели. Дело в том, что жестокость (и не только во время войн) была присуща всей эпохе средневековья. Во времена Тимура, особенно после зверств Чингиз-хана и его сподвижников, массовые репрессии, истребление мирного населения, разрушение городов и угон их жителей на чужбину были вполне обычными, «дозволенными» действиями, которых правители и полководцы (за редким исключением) не стыдились. Тимур же, считая себя достойным последователем «потрясателя вселенной», гордился своими «подвигами» и не собирался скрывать их от потомства.

Вторая группа источников — это документы, вышедшие не из окружения Тимура и его наследников⁴. Эти материалы неоднородны. К их числу относятся свидетельства такого нейтрального (но из-за политических причин благожелательно относящегося к Тимуру) автора, как посол кастильского короля Клавихо, и многочисленные документы, вышедшие из среды народов, испытавших на себе результаты походов Тимура и его политики. Из всех этих источников историки в достаточной полной мере использовали только произведения арабского писателя, уроженца Дамаска, Ибн Арабшаха. Последний был весьма образованным человеком, много путешествовал; он пережил весь ужас разгрома родного города полчищами Тамерлана, был уведен в числе прочих пленников в далекий Самарканд и имел все основания люто ненавидеть Тимура. Хорошо осведомлены о событиях той эпохи были и другие арабские авторы и армянские писатели-современники, пережившие многое сами или знавшие о походах Тимура со слов очевидцев и по надежным документам.

Когда говорят о каком-либо конкретном человеке, обычно судят о его недостатках и достоинствах не по его собственным оценкам своей персоны, а по мнениям других лиц. В данном случае ситуация весьма похожая: летописцы типа Шахи или Йазди оставили нам то, что хотели довести до будущих поколений сам Тимур и его наследники, а суровая, но справедливая оценка Ибн Арабшаха, равно как и пораженных ужасом при виде страшных бедствий, выпавших на долю их стран, армянских, русских и других летописцев и вообще современников, не заинтересованных в панегирике Тимуру и его семье, — это оценка со стороны.

Как же оценивалась деятельность Тимура в исторической литературе? В средневековой историографии встречаются две весьма отличные друг от друга характеристики этого завоевателя. Большинство мусульманских историков Ирана, Средней Азии и некоторых других стран в основном продолжали традицию, заложенную в трудах придворных летописцев Тимура и его наследников. На протяжении многих веков в сочинениях этих историков сохранялся почтительный тон по отношению к прозному «зятю» Чингизидов⁵. Даже описывая разрушения своих стран и бедствия своих народов, эти летописцы продолжали испытывать благоговейный страх перед Тимуром, именуя его Сахибкиран, то есть победоносный, обладатель счастливого сочетания звезд. Другая группа средневековых авторов, преимущественно христианских (армянские, грузинские, русские), характеризовала время Тимура как период величайших бедствий, выпавших на долю многих народов, а самого завоевателя счи-

⁴ Такое деление источников дается в статье А. Ю. Якубовского «Тимур». «Вопросы истории», 1946, № 8—9.

⁵ Известно, что Тимур, не будучи Чингизидом, почтительно именовал себя «гурган» — зять дома Чингиз-хана. См. Ибн Арабшах: *Ahmedis Arabsiadae Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia. Latine vertit, et adnotationes adiecit S. H. Manger. T. I. Leovardiae. 1767, p. 26* (далее Ибн Арабшах. Указ. соч.).

тала очередным «бичем божьим». Армянский хронист XV в. Товма Метсопечи, младший современник событий, рассказывая об опустошении Закавказья Тимуром, писал, что «все это пришло на нас за грехи наши»⁶. Сходная оценка дается и в Никоновской летописи⁷.

Если причины полностью нигилистической оценки Тимура историками второй группы не нуждаются в особых комментариях, то позиция мусульманских историков требует некоторого пояснения. Большинство их не скрывали тягостных последствий эпохи Тимура для своих стран, но одновременно и почитали его. В чем же здесь дело? Ответ на этот вопрос следует искать в разных аспектах деятельности Тимура и в неодинаковом отношении к нему представителей различных общественных слоев. Поскольку летописцы последующих времен (из какого бы класса общества они ни происходили) неизменно выражали интересы господствующего класса или отдельных его частей (а очень часто таковой была кочевая знать), то события прошлого они старались отобразить в своих трудах в соответствии с запросами и чаяниями своих покровителей. Таким образом, речь идет о классовой идеологии феодалов, точнее, определенных групп этого класса.

Десятки тысяч людей, ремесленников, умельцев угнал Тимур из покоренных стран в Мавераннахр. Потом и кровью их, равно как и местного населения, были отстроены Самарканд и некоторые другие города Средней Азии. Львиная доля награбленных богатств попала, разумеется, в руки среднеазиатской знати, являвшейся участницей и вдохновительницей грабительских походов. Тимур понимал, что его держава, созданная мечом, будет существовать лишь до той поры, пока он способен в интересах этой знати совершать свои победоносные, приносящие добычу походы. А для этого нужен был «внутренний порядок», который могла обеспечить только сильная государственная власть. Поэтому Тимур не только приказывал замуровывать в стены тысячи живых людей или складывать пирамиды из десятков тысяч голов «мятежников» разных стран. В случае необходимости он наказывал и слишком vorоватого правителя или ставшего подозрительным сановника⁸. В результате этого имя Тимура в глазах господствующего класса той поры и последующих времен олицетворялось с идеей сильной власти, способной защитить этот класс в целом от народных возмущений и иных внутренних неурядиц, а самое главное — повести в победоносные походы, сулящие добычу и новые объекты грабежа. Именно такой образ Тимура — сильного правителя, могущего служить образцом для других государей, — и был привлекателен для господствующего класса последующих времен и обслуживавших этот класс летописцев.

Целую эпоху в изучении прошлого народов Средней Азии составили труды В. В. Бартольда, который привлекал новые источники и, естественно, пересматривал некоторые существующие оценки. Правда, не все его выводы сохранили свое значение в наше время (например, в его трудах чувствуется известная идеализация Монгольской империи)⁹. Изучая эпоху Тимура, В. В. Бартольд стремился по возможности объективно учесть всю цепь событий, сопутствовавших появлению на исторической арене этого завоевателя и обусловивших создание его государства. При этом исследователь пытался в любом историческом явлении и событии выявить и положительные и отрицательные стороны. Характеризуя державу Тимура, В. В. Бартольд старался не только вскрыть отрицательные последствия его деятельности¹⁰, но найти и какие-то поло-

⁶ Товма Метсопечи. История. Париж. 1860, стр. 31.

⁷ ПСРЛ. Т. 11. М. 1965, стр. 151—152.

⁸ См. В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. 2. М. 1964, стр. 58.

⁹ См. В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I. М. 1963, стр. 32.

¹⁰ В. В. Бартольд отмечал, что зверства Тимура превосходят злодеяния Чингизхана (В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. 1. М. 1963, стр. 746).

жительные ее черты. Немалую роль сыграло, очевидно, и большое внимание ученого к истории культуры и культурного обмена различных цивилизаций¹¹. Поскольку XV в. явился временем расцвета средневековой культуры народов Средней Азии, В. В. Бартольд выделял данный период и пытался найти этому соответствующие объяснения, не учитывая в достаточной мере материальные основы временного процветания Мавераннахра в XV веке.

Но то, что в работах В. В. Бартольда выглядит лишь как отдельные замечания, объяснимые общим уровнем науки того времени, приняло совсем иную форму в работах А. Ю. Якубовского. Именно А. Ю. Якубовский в основных чертах сформулировал и постарался обосновать ту оценку Тимура и его государства, которая затем приводилась и в обобщающих трудах по истории Узбекистана и в ряде конкретных работ о прошлом Средней Азии. По-видимому, А. Ю. Якубовский вслед за В. В. Бартольдом задался целью дать разностороннюю оценку событий, относящихся ко времени Тимура. Не закрывая глаза на грабительский характер его походов, А. Ю. Якубовский пытался выявить то положительное, что внес, по его мнению, Тимур в развитие Средней Азии и других стран. Главные положения его концепции сводятся к следующему. А. Ю. Якубовский поставил вопрос о Тимуре как объединителе Средней Азии, оценивая это объединение как прогрессивный момент в истории народов данного региона. Поскольку он отмечал, что «социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в специальной литературе совсем не разработаны»¹², объединение Средней Азии можно было рассматривать лишь как результат деятельности самого Тимура, выдвинувшегося благодаря сложным политическим отношениям, сложившимся в результате распада Чагатайского улуса, государства Хулагуидов и Золотой Орды. Это положение не вызывает возражений.

Но интерпретация А. Ю. Якубовским многих исторических фактов последней трети XIV — начала XV в. представляется неверной. Здесь налицо явная идеализация личности Тимура, принимающая порой столь крайние формы, что автор сравнивает международного грабителя Тимура с хорошим, расчетливым хозяином, который таянул в Мавераннахр со всех завоеванных стран все, имеющее ценность¹³.

Положительно оценив роль Тимура в истории Средней Азии, А. Ю. Якубовский сделал попытку показать его прогрессивное влияние и на судьбы других народов. Еще В. В. Бартольд, оценивая результаты Анкарской битвы Тимура с турецким султаном Байазидом I, высказал мысль, что разгром турок-османов Тимуром на 50 лет отсрочил падение Константинополя. Эту мысль и развил А. Ю. Якубовский. В качестве другой «услуги» Тимура народам Европы, в том числе русскому, А. Ю. Якубовский рассматривал разгром Тимуром Золотой Орды в 1395 г., когда, по его мнению, был нанесен «непоправимый удар» Джучиеву улусу¹⁴.

Большинство советских историков оценивает деятельность Тимура отрицательно. В III томе «Всемирной истории» указывается, что «правление Тимура сыграло отрицательную роль и для самих народов Средней Азии, ибо все эфемерные успехи Тимура достигались за счет утверждения режима бесправия в Мавераннахре и нищеты в покоренных странах»¹⁵. Такие же оценки содержатся в «Очерках истории СССР», в

¹¹ См. В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VII. М. 1971, стр. 12.

¹² А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 67.

¹³ Там же, стр. 72.

¹⁴ Там же, стр. 64.

¹⁵ «Всемирная история». Т. III. М. 1957, стр. 574.

многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»¹⁶ и во многих других трудах советских историков¹⁷. Не лучшего мнения о Тимуре и историки тех зарубежных стран, которые в прошлом подверглись нашествиям его орд. Так, индийские авторы, говоря о разрушительных последствиях похода Тимура, считают, что «это было страшное бедствие. Побежденные потеряли все, а победитель не достиг ничего»¹⁸.

В 1968 г. в Ташкенте на узбекском и русском языках был опубликован в виде брошюры текст доклада акад. АН УзССР И. М. Муминова, сделанного на совещании при Президиуме АН Узбекской ССР 5 июня того же года. Утверждая, что именно в трудах А. Ю. Якубовского в основном была дана правильная и объективная оценка Тимура, автор доклада, восприняв те положения А. Ю. Якубовского, о которых шла речь выше, придал идеализации Тимура законченную форму. Последний в этом докладе представлен как сильная личность, дальновидный политик, которому был присущ даже «своеобразный патриотизм». В силу этих качеств Тимур и был, по мнению И. М. Муминова, исторически необходим Средней Азии в ту эпоху¹⁹. Автор доклада изображает Тимура как поборника чести, достоинства, интересов государства, великого строителя и ценителя культуры, уважаемого и почитаемого народами Средней Азии²⁰. Говоря о «международных заслугах» Тимура и развивая положения своих предшественников о его помощи Византии, Руси и другим европейским странам, И. М. Муминов полагает также, что, разгромив Байазид I, Тимур якобы спас в начале XV в. народы Северной Африки и прежде всего Египет от турецкого порабощения²¹. Чтобы подкрепить свои заключения, И. М. Муминов прибегает к источниковедческим натяжкам, пытается даже оперировать «Уложением Тимура», хотя давно доказано, что это подделка XVII века²². Данные же Ибн Арабшаха (как и сведения греческих и турецких авторов), наоборот, подвергаются сомнению только на том основании, что Ибн Арабшах, будучи заклятым врагом Тимура, не мог объективно излагать события²³. И. М. Муминов восхищается сильной личностью, великим завоевателем, создавшим, пусть на короткий срок, большую державу и обеспечившим Средней Азии экономический и культурный подъем. Такого рода идеализация Тимура требует возврата к вопросу об оценке его роли в истории.

Какие причины способствовали появлению Тимура на исторической арене? Созрели ли в ту эпоху условия для прочного объединения территории Средней Азии и вообще возможно ли было тогда такое объединение? На эти вопросы брошюра И. М. Муминова четкого ответа не дает; по сути дела, он их и не ставит. Главное для автора — личность самого Тимура. Никто не оспаривает, что Тимур был талантливым пол-

¹⁶ «Очерки истории СССР. XIV—XV вв.». М. 1953, стр. 666; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. II. М. 1966, стр. 521.

¹⁷ См. «История таджикского народа». Т. II. М. 1964; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. I. М. 1964; «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.». Л. 1958, и другие. Отрицательную роль Тимура в истории Грузии ясно показал И. А. Джавахишвили. (И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. Т. IV. Тбилиси. 1948, стр. 17, на груз. яз.). С его оценкой солидаризируется армянский историк Я. А. Манандян (Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа. Т. III. Ереван. 1952, стр. 343—344, 363, на арм. яз.).

¹⁸ V. D. Mahajan. Muslim Rule in India. Delhi. 1965, p. 198.

¹⁹ И. Муминов. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии. Ташкент. 1968, стр. 9, 42, 44.

²⁰ Там же, стр. 11, 12, 22, 45.

²¹ Там же, стр. 42—43.

²² В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. 2, стр. 201; Ч. А. Стори. Персидская литература. Библиографический обзор. Перевел с английского, переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. Ч. II. М. 1972, стр. 795.

²³ И. Муминов. Указ. соч., стр. 35.

ководцем, неплохим дипломатом, что он умел не только организовать и возглавить громадные по своим масштабам грабительские походы²⁴, но и использовать материальные ресурсы разоренных стран и областей для благоустройства своего «коренного улуса». Однако не всякая историческая личность, обладающая незаурядными способностями, является действительно великой. Как известно, роль отдельных личностей в истории должна оцениваться в зависимости от их вклада в общемировой прогресс. В связи с этим возникают два вопроса: действительно ли деятельность Тимура имела прогрессивные последствия для Средней Азии (точнее, для Мавераннахра); можно ли утверждать, что его походы принесли какую-то пользу другим странам и народам?

Чтобы ответить на первый из них, необходимо вспомнить, что представляла собой Средняя Азия в XIV в., в какой исторической ситуации появился Тимур, что позволило ему из ординарного разбойничьего атамана (каких было немало в ту пору) превратиться в правителя большей части Мавераннахра, а затем стать продолжателем «дела» Чингиз-хана на Евразийском континенте.

В наше время под Средней Азией обычно понимается территория Туркменской, Узбекской, Таджикской, Киргизской и части Казахской ССР. В. В. Бартольд чаще и охотнее использовал в своих работах термин «Туркестан», географическая емкость которого была значительно шире того, что ныне понимается под Средней Азией. Очевидно, необходимо в каждом конкретном случае оговаривать содержание этого понятия. Иначе может создаться представление, что в XIV—XV вв. существовал какой-то регион, относительно единый в экономическом, этническом и культурном отношениях, где имелись условия для возникновения одного государства. Правильнее в связи с событиями того времени вести речь о Мавераннахре как определенном историко-географическом регионе, сложившемся задолго до XIV в. и, несмотря на этническую пестроту местного населения, представлявшем собой известную экономическую и культурную общность и в период деятельности Тимура.

Мавераннахр (буквально Заречье) включал области по правую сторону Амударьи. Это название возникло после арабских завоеваний, но на основе более старого историко-географического размежевания²⁵. К Мавераннахру обычно относился и Хорезм, лежащий в низовьях Амударьи. Это обстоятельство надо иметь в виду при характеристике государства Тимура, ибо его «благодеяния» на Хорезм не распространялись. Но даже Мавераннахр относительно редко, как в древности, так и в средние века, представлял собой единое политическое целое, а когда это случалось, то к нему присоединялись отдельные части современных Афганистана, Ирана, Казахстана и т. д.

После распада империи Чингиз-хана большая часть Мавераннахра вошла в состав Чагатайского улуса. Основная же территория Хорезма стала частью другого обломка Монгольской империи — Джучиева улуса, или Золотой Орды.

Этническая история территории нынешних среднеазиатских советских республик в XIV—XV вв. изучена слабо. Несомненно лишь то, что тогда очень интенсивно продолжался процесс тюркизации местного (ираноязычного) населения, начавшийся за много веков до этого²⁶. Ис-

²⁴ Меткую характеристику политики Тимура дал К. Маркс: «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом *всюду* наводить ужас» («Архив Маркса и Энгельса». Т. VI. М. 1939, стр. 185).

²⁵ О Мавераннахре см.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I, стр. 115—237; т. III. М. 1965, стр. 477.

²⁶ Это тюркизированное население Мавераннахра и более южных областей совместно с другими группами тюркоязычного населения (включая и кочевых узбеков, пришедших в Мавераннахр в конце XV—начале XVI в.) постепенно оформилось в узбекскую народность.

точники XIV—XV вв. четко выделяют в Мавераннахре не только ираноязычное население (таджиков) и оседлое тюркское население, но и так называемых чагатаев (джагатаев) — кочевых и полукочевых потомков племен, пришедших сюда с Чингиз-ханом и его наследниками. Первоначально это были не только монголы, но и их тюркские союзники из разных племенных объединений. Согласно Ибн Арабшаху, в конце XIV — начале XV в. выделились четыре чагатайских племени, в том числе барласы²⁷. Из барласов и происходил Тимур. По-видимому, уже к середине XIV в. барласы утратили монгольский язык и были тюркизированы.

Кастильский посол Клавихо, посетивший державу Тимура, писал, что чагатаи по происхождению — татары и пришли из Татарии, а прочие жители Самаркандской земли вовсе не чагатаи, но приняли теперь (к началу XV в.) это имя²⁸. Следовательно, можно полагать, что потомки племен, пришедших с монголами, еще в начале XV в. отличались от старого населения Мавераннахра (тюркоязычного и ираноязычного). Но самое любопытное то, что в XIV в. чагатаи Мавераннахра отличались и от тюркского и монгольского населения восточной части Чагатайского улуса, так называемого Моголистана²⁹, и это отличие было не столько этническим, сколько по типу хозяйства. Как справедливо отметили В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский, монгольские и тюркские племена, обосновавшиеся в Мавераннахре, попав под влияние местного, стоявшего на более высоком уровне развития оседлого населения, постепенно сближались с ним и все больше отдалялись от кочевников Моголистана, близких им этнически³⁰. Процесс этот был довольно длительным, но к середине XIV в. различия и противоречия между чагатаями Мавераннахра и кочевниками восточной части распадавшегося Чагатайского улуса проявились достаточно резко.

Распад этого осколка Монгольской империи не случайно совпал с аналогичными процессами в Золотой Орде и государстве Хулагуидов. Все три государства были однотипны (в каждом из них господствовала кочевая знать тюркских и тюркизированных монгольских племен), все три искусственно объединяли различные в хозяйственном и культурном отношении страны и области, но отличались удельным весом кочевого хозяйства и кочевого населения. Самым слабым и недолговечным из них оказалось государство Хулагуидов, распавшееся в 30-е годы XIV века. Немногим позже Чагатайский улус разделился на две части: одна из них включала большую часть Мавераннахра, другая — так называемый Моголистан; между обеими частями началась борьба. «Чагатайская» знать Мавераннахра, все более сближавшаяся с местной иранской и тюркской знатью на экономической почве, стала в оппозицию к знати Моголистана и даже порой шла на сближение с так называемыми сербедарами³¹.

²⁷ Ибн Арабшах. Указ. соч. Т. I, стр. 26. Термин «чагатаи» встречается в армянских источниках. См. Товма Метсопеди. Указ. соч., стр. 20 (чагатайские войска — войска Тимура). Знают его и арабские авторы (см. Ибн Тагрибарди. Ал-Нуджум аз-захира. Т. 12. Каир. 1956, стр. 262, на арабск. яз.).

²⁸ Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. СПб. 1881, стр. 237, 243.

²⁹ О Моголистане см.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. I, стр. 79—95.

³⁰ В. В. Бартольд. Соч. Т. V. М. 1968, стр. 169—170; А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 49.

³¹ Движение сербедаров в Иране и Мавераннахре XIV в. было очень сложным как по составу его участников, так и по целям. В нем была сильна антифеодалная струя. Одновременно это был протест различных слоев оседлого, особенно городского, населения древних земледельческих районов против засилья кочевой знати, господствовавшей в Чагатайском и Хулагуидском улусах. Движение сербедаров подавил Тимур, что привлекло к нему симпатии не только кочевых феодалов, но и оседлой верхушки, для которой требования левого крыла сербедарского движения (уменьшения феодальных повинностей и даже социального равенства) были неприемлемы.

В 60—70-е годы XIV в., когда на арену политической борьбы выдвинулся Тимур³², в странах Передней и Средней Азии шла та давняя борьба кочевников и оседлого населения, которая получила отражение еще в эпосе иранских народов, сохраненном для нас Фирдоуси³³. Это была не расовая и не этническая вражда, а борьба различных форм хозяйства, борьба оседлых народов против вторжения кочевников, грозивших уничтожить многовековые результаты упорного труда земледельцев. Монгольское завоевание нанесло тяжелый удар странам земледельческой культуры³⁴; господство ханов Моголистана сулило им ту же участь. Поэтому широкие слои оседлого населения Мавераннахра и Хорасана в 30—80-е годы XIV в. сплотились в борьбе против господства кочевой (монгольской)³⁵ знати. Не случайно у хорасанских сербедаров появляется лозунг: добиться, «чтобы впредь ни один тюрк (кочевник) до страшного суда не смел разбивать шатра в Иране»³⁶.

В такой обстановке и стало возможным временное соглашение между сербедарами Мавераннахра и чагатаями³⁷. Подобный временный союз был полезен обеим сторонам, так как только путем объединения всех сил можно было организовать отпор кочевникам Моголистана. Военное преимущество было первое время на стороне последних, ибо кочевые отряды, объединявшие большую часть мужского населения, явились более мощной и организованной силой, нежели ополчения крестьян-земледельцев или горожан. Однако такой союз не мог существовать долго. И здесь-то Тимур показал себя как коварный и двуличный политик, избавлявшийся постепенно от оказавших ему поддержку, но уже более не нужных и опасных союзников. После того, как сербедары разбили моголов Ильяс Ходжи (от которых недавно бежали Тимур и его временный союзник Хусейн), Тимур вероломно расправился с главарями сербедаров, заманив их в свою ставку. Движение сербедаров было потоплено в крови. В 80-е годы XIV в. с еще большей жестокостью была осуществлена расправа с сербедарами Хорасана. При этом Тимур поразному относился к рядовым сербедарам и той части сербедарской верхушки, которая пошла на сговор с ним (Маулана-заде в Самарканде, Али Муайад в Хорасане).

Предательски разделавшись с сербедарами Самарканда, на гребне движения которых он выдвинулся, Тимур довольно быстро объединил под своей властью большую часть Мавераннахра, кроме Хорезма. Хорезм после смерти золотоордынского хана Бердибека (1359 г.) стал самостоятельным государством и упорно сопротивлялся Тимуру. Последний совершил туда несколько походов. Рассказывая о четвертом из них, Ибн Арабшах сравнивает разрушение цветущей страны с разорением тем же Тимуром Дамаска³⁸. В 1388 г. Тимур сровнял главный город Хорезма

³² Свою карьеру Тимур начал как атаман разбойничьей шайки, промышлявшей на территории современной Средней Азии, Ирана и Афганистана. Будущий завоеватель и его сподвижники воровали баранов, грабили население, убивали. В одной из схваток Тимур получил тяжелое ранение, после которого остался хромым на всю жизнь (см. А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 53—55). Товма Метсопечи называет Тимура «авазакапет» (атаман разбойников) и «мардаспан» (душегуб) (Товма Метсопечи. Указ. соч., стр. 10).

³³ Это борьба Ирана и Турана, где Туран — первоначально иранское же, но кочевое население (В. М. Массон, В. А. Ромодин. Указ. соч., стр. 52). Любопытно сопоставить это с русским эпосом, где борьба с кочевниками также занимает видное место.

³⁴ Это хорошо доказано в книге: И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.-Л. 1960.

³⁵ Большая часть монголов Мавераннахра и Ирана к середине XIV в. была уже тюркизирована. То же самое произошло, причем в еще большем масштабе, в Золотой Орде, где уже в первой половине XIV в. монголов не было (данные Ибн Баттуты).

³⁶ «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века». Л. 1958, стр. 226.

³⁷ О том, что «чагатаи» — кочевники, см.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. 1, стр. 260; ч. 2, стр. 544.

³⁸ Ибн Арабшах. Указ. соч., стр. 146. Хорезм рассматривался Тимуром как «дар ал-харб» (область войны) (см. В. В. Бартольд. Соч. Т. V, стр. 171).

Ургенч с землей, а на его месте велел посеять ячмень. «От этого удара,— по словам В. В. Бартольда,— Хорезм уже никогда не мог оправиться»³⁹. Что же касается остальной части Мавераннахра, то ее положение после кровавой расправы с сербедарами внешне стало иным. Тимур рассматривал эту территорию как свой коренной улус. В стране было организовано твердое управление со своеобразным военизированным уклоном: весь Мавераннахр был разделен на тумены, то есть военно-административные единицы, каждая из которых должна была поставлять 10 тыс. воинов⁴⁰. И хотя к службе привлекалось и оседлое население, наиболее привилегированной частью войск Тимура оставались кочевники-чагатаи. Они составляли костяк его армии, организованной (как и все его государство) по образцу монгольских войск Чингиз-хана и его преемников⁴¹. Эта органическая связь государства Тимура с империей Чингиз-хана прослеживается буквально во всем⁴².

Как известно, Тимур не принял титула хана. Он постоянно держал при себе подставных ханов из рода Чингизидов, реальная же власть находилась полностью в его руках. Что касается номинальных глав государства, то выбор их из числа потомков основателя Монгольской империи как бы символизировал преданность Тимура заветам своего кумира. Правда, современные Тимуру представители Чингизидов не вызывали и не могли вызывать к себе никакого уважения. Но к самому Чингиз-хану сын баргасского бека испытывал величайшее почтение и дублировал многие его действия⁴³. От Чингиз-хана Тимур унаследовал пресловутую идею мировой империи и, подобно своему предшественнику, а порой с еще большей жестокостью, часто лишь для устрашения народов, разрушал города и беспощадно вырезал их жителей. Причем подобные действия осуществлялись не стихийно, а по заранее обдуманному плану.

Опираясь в основном на кочевую знать, Тимур в то же время не обходил своими милостями и ту часть оседлой аристократии, которая пошла к нему на службу. Это относится прежде всего к знати Мавераннахра. Подавление сербедарского движения, в котором было много такого, что не было по вкусу и мусульманскому ортодоксальному духовенству, и зажиточным горожанам, и оседлым землевладельцам, привлекло на сторону Тимура симпатии этих слоев населения. Дальнейшая политика, направленная на то, чтобы обеспечить особое положение для основной части Мавераннахра в созданном им государстве, а также удачная завоевательная политика укрепили авторитет Тимура среди мавераннахрской знати. Историки, идеализирующие Тимура, особенно подчеркивают его заботу о центральных областях своей державы, забывая о том, какой ценой и за счет чего было достигнуто известное процветание Мавераннахра при Тимуре. Кстати, и здесь напрашивается аналогия с Чингиз-ханом: последний (как и его ближайшие преемники) стремился за счет награбленных в других странах богатств и трудом согнанных чуть ли не со всего света мастеров «благоустроить» свой «коренной юрт» (Монголию). Строились города, роскошные дворцы (разумеется, не для простых монголов) и т. д. Но захваченные богатства были растрочены,

³⁹ В. В. Бартольд. Соч. Т. III, стр. 548—549.

⁴⁰ В данном случае неважно, существовала ли эта система при чагатайских ханах и от них перешла к Тимуру, или ее ввел сам Тимур. Даже если верно первое предположение, то это лишь доказывает органическую связь государства Тимура с империей Чингиз-хана и улусами его наследников.

⁴¹ В. В. Бартольд. Соч. Т. II, ч. 2, стр. 47, 50, 53; т. V, стр. 171—173; «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.», стр. 230.

⁴² Б. Г. Гафуров справедливо пишет: «Он (Тимур.— А. Н.) ставил себе целью воссоздать распавшуюся Монгольскую империю. Тимура можно назвать собирателем распавшейся империи Чингиз-хана» (Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 483).

⁴³ Любопытно, что в некоторых завоеванных Тимуром странах его считали Чингизидом. Например, грузинская летопись сообщает, что Тимур «был из рода Чингизова» («Картлис цховреба». Т. II. Тбилиси. 1959, стр. 326, на древнегруз. яз.).

ремесленники, приведенные из стран Азии и Европы, нашли свою могилу в чужой земле, а города и дворцы, возведенные их трудом, пришли в упадок, так как само их существование противоречило кочевому быту местного населения.

Рассматривая историю временного экономического подъема Мавераннахра при Тимуре и его преемниках, нетрудно отыскать в ней много общего с историей «коренного улуса» Чингиз-хана. Разумеется, полной аналогии здесь нет и быть не может, ибо центром государства Тимура стал Мавераннахр, область древней земледельческой культуры со сложившимися на естественной основе городами. Но относительно недолгий расцвет этого района в конце XIV—XV вв. в значительной мере питался из источников, аналогичных тем, о которых только что упоминалось в связи с империей Чингиз-хана.

Здесь уместно напомнить некоторые данные о результатах походов Тимура в другие страны. Выше уже говорилось о разорении Хорезма, области Мавераннахра, не вошедшей в «домен» Тимура. Сравнив с землей богатый Ургенч, завоеватель угнал опытных ремесленников и заставил их строить дворец в Кеше⁴⁴. Начиная с 1381 г. Тимур совершает серию походов на юг, в Хорасан, а затем на запад, вплоть до Палестины и Эгейского моря. Этим дальним походом предшествовала беспримерная расправа с хорасанскими сербедарами. При взятии г. Себзеvara 2 тыс. пленников были замурованы в стенах башен: живых людей складывали друг на друга, перекладывая кирпичами и глиной. После подавления народного восстания в Исфагане по приказу Тимура была воздвигнута пирамида из 70 тыс. отрубленных голов⁴⁵.

Несколько раньше, в 1385 г., ставленник Тимура на золотоордынском престоле Тохтамыш повторил нашествие первых золотоордынских ханов на Закавказье, а затем разорил главный город Южного Азербайджана Тебриз, увел 90 тыс. пленников, а на обратном пути предал мечу армянский Сюник⁴⁶. Через год Тебриз взял уже сам Тимур, довершив его разорение. Предав мечам и пожарам арабские области Месопотамии и Сирии, Тимур явился в Малую Азию; здесь его действия не отличались от совершенного им в Иране, Закавказье, арабских странах. Достаточно в качестве примера привести судьбу Себастии: Тимур обещал ее жителям в случае добровольной сдачи не проливать их крови. Он «сдержал свое слово», приказав выкопать ямы и, предварительно задушив, закопать в них доверчивых обитателей этого малоазиатского города⁴⁷. Вершиной жестокости Тимура был индийский поход 1398—1399 годов. Накануне решительной битвы с местным правителем Тимур приказал перебить 100 тыс. безоружных пленников индусов, которые якобы могли ударить с тыла⁴⁸.

При возвращении из походов за войском победителя тянулись в далекий Мавераннахр многотысячные вереницы пленников. Над возведением дворцов, мечетей и других зданий Самарканда трудились тысячи мастеров из Дамаска, Тебриза, городов Закавказья, Ирана, Малой Азии, Индии и других. Клавихо отметил, что вдоль реки (Амударьи) всюду стояли посты, следившие за тем, чтобы эти пленные не бежали на родину⁴⁹. Именно широкое использование подневольного труда представителей многих народов наряду с беспощадной эксплуатацией местного населения позволило воздвигнуть те величественные постройки в Самарканде и других городах Мавераннахра, которые до сих пор удивляют совер-

⁴⁴ В. В. Бартольд. Соч. Т. III, стр. 548.

⁴⁵ «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.», стр. 231—232.

⁴⁶ Товма Метсопеци. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁷ Клавихо. Указ. соч., стр. 143; Ибн Тагрибарди. Указ. соч., стр. 265.

⁴⁸ Низам ад-дин Шами. Зафар-намэ. Т. I. Прага. 1937, стр. 188 (на перс. яз.).

⁴⁹ Клавихо. Указ. соч., стр. 227.

шенством своих форм и богатством отделки⁵⁰. Награбленные сокровища и даровая рабочая сила дали возможность также провести некоторые оросительные работы и порой даже несколько облегчить налоговое бремя привилегированных городов.

Считают, что Тимур был великим покровителем среднеазиатских городов и местного купечества. Существует даже мнение, что часть своих завоевательных походов он предпринимал с целью подорвать караванную торговлю через Золотую Орду и тем самым ослабить последнюю (в частности, с этим связывают походы Тимура на Золотую Орду и разрушение им ряда восточноевропейских городов, лежавших на торговом пути от Черного моря в Среднюю Азию). Думается, что во всем этом есть известное преувеличение. Во время своих походов Тимур грабил города, стоявшие и на торговых дорогах и вне их (например, он сжег небольшой русский город Елец, не имевший никакого отношения к упомянутому торговому пути). По-видимому, Тимур учитывал в известной степени интересы купечества Мавераннахра, но главной его задачей было удовлетворить запросы своей основной опоры — чагатайской кочевой знати.

Полагают, что Тимур, хотя и не знал грамоты, будучи алчущим знаний человеком, оказывал покровительство поэтам и ученым, чем способствовал культурному подъему Средней Азии. И. М. Муминов связывает с Тимуром возникновение в Мавераннахре литературы на тюркском языке⁵¹. Действительно, Тимур отличался любознательностью, особенно в вопросах военной истории; держал специальных чтецов. Своими познаниями он даже поразил арабского ученого Ибн Халдуна, который удостоился беседы с ним. Однако знание истории, прежде всего военной, было необходимо ему как военачальнику для совершенствования монгольско-тюркской военной системы. Что же касается литературы на тюркском языке, то она появилась до Тимура и помимо него⁵².

Необходимо четко разграничивать деятельность самого завоевателя и культурный подъем на территории Мавераннахра, современного Афганистана, Восточного Ирана и других стран, который имел место уже после Тимура, в XV веке. Этот период оставил глубокий след в истории мировой цивилизации, его культурное наследие является достоянием народов Средней Азии и зарубежного Востока. Можно воздавать должное не только великому ученому Улугбеку, но и другому внуку Тимура, принцу Байсункару, под руководством которого велась работа по редактированию «Шах-намэ». Народы Средней Азии бережно хранят имена Джамии, Навои, Худжанди, Кушджи и других ученых. Но что общего между Улугбеком и Тимуром, кроме уз родства? Организатор опустошительных походов, кровавый палач многих народов представляет резкий контраст со строителем знаменитой среднеазиатской обсерватории, ученым-создателем, продолжателем лучших традиций великих ученых и мыслителей Мавераннахра. Вскоре после трагической гибели Улугбека в борьбе с консервативной оппозицией, выражавшей интересы как раз тех обществанных слоев, которые были взращены политикой Тимура⁵³, руководимый им коллектив ученых и деятелей искусства распался; многие из них покинули Мавераннахр и бежали в другие страны, где способствовали возникновению и развитию новых научных и культурных очагов⁵⁴.

⁵⁰ Этот вывод сформулирован, в частности, в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Т. II., стр. 521.

⁵¹ И. Муминов. Указ. соч., стр. 14.

⁵² В. В. Бартольд. Сочинения. Т. V, стр. 178, 606—607.

⁵³ Еще В. В. Бартольд отмечал, что «в событиях царствования Тимура мы находим также ключ к объяснению многих действий Улугбека, его успехов и неудач» (В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. 2, стр. 26).

⁵⁴ Показательна судьба Али Кушджи, известного астронома и географа, нашедшего убежище в Турции (см. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л. 1957, стр. 590).

Через несколько десятков лет новая волна кочевников из Джучиева улуса хлынула в Мавераннахр. Постепенно наводнение Средней Азии кочевниками с их отсталыми, застойными хозяйственными и социальными формами, но сильной военной организацией, установление господства кочевой знати и постепенная, но неуклонная примитивизация в результате всего этого экономики и социальных норм в оседлых районах Мавераннахра в конечном счете привели к тому, что последние вступили в период длительного экономического и культурного застоя и упадка. Правление Тимура было существенным моментом во всей этой многовековой цепи событий. Временный подъем экономики и культуры Мавераннахра, который наблюдался при самом Тимуре и после него (в XV в.), нельзя понять и объяснить без учета последствий его грабительских походов. Разумеется, не народы Средней Азии несут историческую ответственность за те бедствия, которые выпали на долю многих других стран по вине Тимура и чагатайской знати. Определенная историческая обстановка породила благоприятные условия для появления таких «сильных личностей», как Чингиз-хан, Тимур и др., и в конечном счете от этого пострадали не только народы, ставшие жертвами их агрессии, но и общества, в которых эти личности появились. Огромные материальные богатства и человеческие ресурсы многих завоеванных Тимуром стран были использованы для обогащения знати Мавераннахра, ибо и дворцы, и мечети, и даже оросительные каналы строились прежде всего для удовлетворения аппетита чагатайской и прочей знати, главной социальной опоры Тимура. Именно в усердном служении их классовым интересам и состояла его действительная роль в истории Средней Азии.

Обратимся теперь к «международной деятельности» Тимура. Как уже отмечалось выше, существует мнение, что его походы благоприятно сказались на развитии Руси и других европейских государств, а также стран Северной Африки. А. Ю. Якубовский, изучавший взаимоотношения Тимура с Золотой Ордой, исходил из того, что государство Тимура и Джучиев улус коренным образом отличались друг от друга, и полагал, что Золотая Орда являлась одним из основных противников Тимура, ввиду чего он был кровно заинтересован если не в уничтожении, то в ослаблении ее. Войны Тимура с Тохтамышем, разгром последнего в 1395 г. и последующее разрушение городов Золотой Орды, по его мнению, нанесли ей непоправимый удар. Тем самым Тимур «объективно сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси»⁵⁵. Посмотрим, так ли было на самом деле.

Прежде всего едва ли можно говорить о коренной противоположности Золотой Орды державе Тимура. Странники этой точки зрения исходят из того, что основная опорная база Тимура — это Мавераннахр, где имелись развитые города, а большинство населения являлось оседлым. Золотая же Орда объединяла преимущественно степные районы, населенные кочевниками. Выше было показано, что основной социальной опорой Тимура была также кочевая знать, только другого улуса (вернее, его части) — Чагатайского, возникшего, как и Золотая Орда, на развалинах империи Чингиз-хана. Под властью золотоордынских ханов и чагатайских Чингизидов и их преемника Тимура находились области оседлого населения, отношения с которым у кочевой знати менялись в зависимости от конкретных обстоятельств.

В 60—80-х годах XIV в. обстановка в Джучиевом и Чагатайском улусах была весьма схожей. Бывший Чагатайский улус в ту пору распадался на две соперничавшие части: Моголистан и Мавераннахр. Золотая Орда также была расчленена на две фактически самостоятельные

⁵⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 64. У А. Ю. Якубовского это положение заимствовал И. М. Муминов (И. Муминов. Указ. соч., стр. 42).

части: Ак-орду (к востоку от Волги) и собственно Золотую Орду (на запад от Волги). Обе эти части враждовали друг с другом так же, как и чагатаи Мавераннахра и ханы Моголистана. Из борьбы между последними в 70-х годах XIV в. выходит победителем Тимур; в междоусобной борьбе внутри Золотой Орды побеждает Мамай, властвовавший только на западе, но не оставлявший мысли объединить весь Джучиев улус. И Тимур и Мамай опираются на кочевников своих уделов⁵⁶, но и тот и другой ищут более широкую социальную опору. И здесь преимущественно на стороне Тимура, ибо он властвует над богатым Мавераннахром. К сожалению, почти нет данных о взаимоотношениях Мамаю и вообще золотоордынских ханов того времени с городами Поволжья, Крыма и т. д. Но определенные круги этих городов, по-видимому, выступали (как и городская верхушка Мавераннахра) за сильную ханскую власть, которая обеспечила бы относительно благоприятные условия их развития. В пользу такого предположения говорит, в частности, жестокий погром городов Золотой Орды Тимуром в 1395 году.

Мамай упорно боролся за объединение Золотой Орды. Но, чтобы успешно осуществить эту задачу, он должен был укрепить свою власть на западе, прежде всего над русскими землями. Однако обстановка там была далеко не та, что за сто лет до этого. Усилилось Московское княжество, ставшее центром объединения русских земель. На западе часть русских земель вошла в состав Великого княжества Литовского. Пользуясь смутами в Золотой Орде, великий литовский князь Ольгерд в 1363 г. нанес поражение группе золотоордынских татар⁵⁷ на Синих водах. В результате этого из-под власти Орды освободились Киевщина, Переяславщина, Подолия. Возможно, что именно это обстоятельство побудило знать западной части Золотой Орды сплотиться вокруг Мамаю. События 70-х годов XIV в. показали, что главным противником золотоордынского великодержавия стала Северо-Восточная Русь. Поэтому Мамай, прежде чем вступить в решающую борьбу с заволжскими беками (за спиной которых стоял Тимур), решил сначала совершить поход на Русь. В 1380 г. обстановка, казалось, благоприятствовала ему: великий литовский князь, враждовавший с Москвой, стал его союзником, да и среди северорусских князей нашлись сепаратисты, болевшие лишь за свои уделы (например, рязанский князь).

Собрав все силы западной части Джучиева улуса, Мамай двинулся на Русь, но на Куликовом поле потерпел поражение, во многом предreshившее дальнейшие судьбы Золотой Орды и ее взаимоотношений с русскими землями.

Но если участь Мамаю была решена этим сражением, то у Золотой Орды как государства оказался могущественный оберегатель — Тимур. История его отношений с Золотой Ордой показывает, что его позиция здесь была несколько иной, нежели в отношении Моголистана или бывших владений Хулагуидов. Тимур не желал ни гибели, ни развала Золотой Орды. Он не претендовал на какие-либо земли, входившие в ее состав (исключая спорный Хорезм и некоторые другие пограничные территории). Джучиев улус его вполне устраивал как единое государство, во главе которого стоял бы дружественный или чем-то ему, Тимуру, обязанный хан. В качестве такового им и был избран Тохтамыш⁵⁸. В 70-е годы XIV в., когда на западе Золотой Орды успешно действовал Мамай, Тимур поставил цель — утвердить власть своего ставленника в заволж-

⁵⁶ Источники того времени не проводят четкого различия между кочевниками отдельных чингизских улусов.

⁵⁷ Когда речь идет о татарах Золотой Орды, не следует их путать с современными (волжскими) татарами, кыпчакизированными потомками старого населения Волжской Булгарии. Лишь относительно небольшая часть кочевого (кыпчакского) населения Золотой Орды приняла участие в формировании современного татарского народа.

⁵⁸ Биографию Тохтамыша см.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. V, стр. 564—567.

ской части Орды. История поддержки Тимуром Тохтамышом в борьбе последнего с Урусханом и его сыновьями хорошо известна по источникам. Все, включая и военную силу, использовал Тимур, чтобы Тохтамыш одолел своих соперников.

В 1377—1378 гг. Тохтамыш становится главой Ак-орды, а через два года объединяет весь Джучиев улус (после того, как Мамай был разбит русскими). Это произошло, как можно полагать, с одобрения Тимура и при его поддержке⁵⁹.

Лишь только власть в европейских владениях Орды перешла в его руки, Тохтамыш решил осуществить то, что не удалось сделать Мамаю. Правда, поход на русские земли в силу сложившихся обстоятельств, главным из которых были уроки Куликовской битвы, носил иной характер. Вместо большой, заранее запланированной войны был совершен быстрый набег, который давал возможность использовать преимущества кочевой конницы. Русские земли после гигантского напряжения 1380 г. оказались не готовыми к отпору, ибо трудно было предполагать, что только что основательно побитые татары смогут решиться на новый поход. Но благодаря поддержке Тимура Золотая Орда сумела быстро подготовиться к набегу, к тому же под властью Тохтамышом была вся Орда, а ее восточная часть не принимала участия в походе Мамаю и, следовательно, не испытала горечи поражения. Небольшой же промежуток времени, отделяющий набег Тохтамышом от событий 1380 г., позволяет думать, что знать западной части Джучиева улуса легко подчинилась Тохтамышу, за спиной которого стоял Тимур. В 1382 г. Тохтамыш, неожиданно вторгшись в русские земли, овладел Москвой и восстановил суверенитет Золотой Орды над Северо-Восточной Русью. Верховную власть Золотой Орды признал великий литовский князь Ягайло, бывший союзник Мамаю⁶⁰. Следовательно, в результате объединения Золотой Орды Тохтамышем, осуществившегося при поддержке Тимура, было восстановлено еще почти на сто лет татарское иго на Руси.

Тимур, утверждая Тохтамышом в Золотой Орде, рассчитывал, что всем ему обязанный хан ограничится властью в Джучиевом улусе (без Хорезма). Но случилось иначе. По словам Шами, Тохтамыш «осмелился на неподобающее действие (в отношении Тимура.— А. Н.)» и в 1385 г. явился в Закавказье, а затем предал опустошению Южный Азербайджан с Тебризом⁶¹. Строго говоря, никаких «прав» Тимура Тохтамыш в это время еще не нарушил: Азербайджан Тимур тогда еще не покорил, хотя и намеревался подчинить его, рассматривая себя в качестве преемника ильханов Ирана и их «прав». «Тохтамыш же со своей стороны мог сослаться на пример золотоордынского хана Берке, претендовавшего в свое время на Закавказье. Интересы двух грабителей здесь впервые скрестились. И тут обнаружилось, что Тимур, претендуя на Закавказье, в то же время готов был простить Тохтамышу разорение «своей» территории. Изгнав Тохтамышом из пределов Закавказья, Тимур проявил затем к нему «ласку и расположение», заявив: «Между нами права отца и сына⁶²... Служит, чтобы мы впредь соблюдали условия и договор и не будили заснувшую смуту»⁶³.

⁵⁹ Лучше всего об этом говорится у Йазди, который рассказывает, что после разгрома Тимур-мелика Тохтамышем при участии войск Тимура «власть и могущество» его (Тохтамышом.— А. Н.) стали развиваться, и благодаря счастливому распоряжению Тимура весь улус Джучиев вошел в круг его власти и господства» (см. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л. 1941, стр. 150—151).

⁶⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 324.

⁶¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 109: «Тебриз также принадлежал к числу владений Тимура».

⁶² Эта фраза показывает, что Тимур считал Тохтамышом своим вассалом.

⁶³ См. В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 110.

Но золотоордынские беки так же, как и чагатаи Тимура, мечтали о грабежах богатых оседлых областей с их городами. Тохтамыш знал силу Тимура и, хотя побанвался своего покровителя, не мог не считаться со своим войском, для которого военная добыча была одним из средств существования. Именно поэтому в 1387 г. Тохтамыш, «забыв обязательства благодарности за милость и заботы его величества (Тимура.— А. Н.)», воспользовавшись отсутствием последнего в Мавераннахре, вторгся в эту область, разорив ее до Бухары⁶⁴. Союзником Тохтамыша был правитель Хорезма. Тимур решил примерно наказать своего вероломного ставленника. Войска Тимура преследовали Тохтамыша до Волги, после чего вернулись назад, но Тохтамыш быстро оправился и, пользуясь тем, что Тимур был занят походом на египетские владения в Азии, вновь вторгся в Закавказье. Тимур не оставалось ничего иного, как нанести Тохтамышу новый сильный удар. 14 апреля 1395 г. на Тереке он наголову разбил ордынцев Тохтамыша, а затем огнем и мечом прошелся по его владениям, разрушив поволжские города.

Вдоволь пограбив в собственно золотоордынских владениях, завоеватель этим не ограничился и вторгся в русские пределы, ожег Елец, опустошил его округу и, по словам русских летописцев, 15 дней стоял там⁶⁵. В Москве наступило великое смятение: «лют мучитель и зол гонитель» Тимур был хорошо известен на Руси. Поэтому великий князь Василий Дмитриевич собрал войско⁶⁶ и выступил навстречу врагу, к Оке. Можно предположить, что Тимур не собирался ограничиваться одним Ельцом и именно поэтому две недели стоял в рязанских пределах. На его сторону склонялся кое-кто из русских князей — сепаратистов или изгоев⁶⁷. Тем не менее, опустошив юго-восточную окраину Руси, Тимур неожиданно ушел. Чем это было вызвано, до сих пор не совсем ясно. Вернее всего, Тимур во время стоянки на Рязанской земле выяснял боеспособность своего нового противника, а так как в Москве готовились дать ему отпор, то советники Тимура из числа золотоордынских мурз, помнивших Куликово поле, отговорили его продолжать поход.

Вскоре Тимур оставил пределы Золотой Орды. Он не уничтожил ее как государство да и не собирался этого делать. Погром городов и ряда местностей, разумеется, нанес немалый ущерб и золотоордынской верхушке, но вряд ли стоит его преувеличивать. Ведь эти города были средоточием оседлого населения, подвластного Орде, а кочевые улусы, опора ордынских властителей, сильно не пострадали. Что же касается дальнейшего распада Золотой Орды, то это был закономерный процесс, начавшийся еще до появления Тимура на исторической арене. Со своей стороны он сделал все, чтобы задержать этот процесс. Свидетельством тому дальнейшие действия Тимура. Побитый им Тохтамыш, который, казалось бы, своими многочисленными изменами должен был снискать ненависть Тимура, на самом деле вовсе не утратил его благосклонности. Вопреки мнению А. Ю. Якубовского политика Тимура в отношении Золотой Орды имела целью ее укрепление под эгидой самого Тимура. Много лет спустя, в начале китайского похода, в его ставку прибыл посол Тохтамыша, скитавшегося в то время где-то в степях. И «благородный по характеру Тимур обласкал посланного и обещал следующее: «После этого похода я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему (Тохтамышу.— А. Н.)»⁶⁸. Русская летопись сообщает, что Тимур опять собирался в поход на Орду и на Русь⁶⁹.

⁶⁴ Там же, стр. 111, 154.

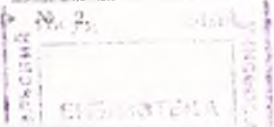
⁶⁵ ПСРЛ. Т. 25. М. 1949, стр. 222; т. 11. М. 1965, стр. 152 и др.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 25, стр. 222, 223.

⁶⁷ Летопись упоминает о князе Семене Дмитриевиче, о котором говорится, что он сумел послужить четырем царям, из которых первыми двумя названы Тохтамыш и Аксак Тимур (см. ПСРЛ. Т. 25, стр. 232).

⁶⁸ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 189.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 11, стр. 152.

Итак, «помощь» Тимура русским землям, по сути дела, сводится к весьма конкретным результатам: восстановлению единства Золотой Орды и грабежу окраинных русских земель. От татарского гнета Русь освободилась своими силами через 75 лет после смерти Тимура.

Теперь рассмотрим «спасительную» миссию Тимура в отношении других стран Европы. Существует мнение, что разгром Тимуром османского султана Байазид I при Анкаре в 1402 г. отсрочил на несколько десятков лет падение Константинополя. В действительности появление войск Тимура в Малой Азии было очередным этапом его грабительских походов. Опустошив Иран, Закавказье и ряд арабских стран, Тимур вступил в конфликт с двумя крупнейшими государствами Переднего Востока — Египтом и Османской империей. Последняя к тому времени подчинила почти весь Балканский полуостров и фактически уже ликвидировала Византийскую империю: туркам осталось только взять Константинополь. В 1400 г. Байазид I Молниеносный осаждал как раз этот город, когда назрел его конфликт с Тимуром.

Тимур был не только крупным полководцем, но и неплохим дипломатом. Готовясь к столкновению с Байазидом, он привлек на свою сторону часть туркменских племен восточной Малой Азии и Армении, известных позднее под названием Ак-коюнлу. Правитель другой группировки туркмен, называемой Кара-коюнлу, Кара-юсуф был изгнан Тимуром из своих владений и нашел убежище у турецкого султана⁷⁰, куда стекались и другие побежденные Тимуром власти. Оба завоевателя готовились к решительной схватке, которая произошла в 1402 г. около современной турецкой столицы. Армия Тимура была гораздо многочисленнее, но османы превосходили ее вооружением. Однако исход сражения решила не сила оружия. Войско Байазид I состояло из мусульман и христиан. В него входили и кочевые тюркские племена, в основном пришедшие в Малую Азию с монголами. На протяжении XIV в. османские султаны подчинили их своей власти, но эти кочевники только и ждали удобного момента, чтобы освободиться от нее. Накануне сражения Тимур обратился к ним с воззванием, весьма напоминающим обращение полководцев Чингиз-хана к половцам в период их первого похода в Восточную Европу в 1222—1223 годах. «Мы с вами одного рода, а они (турки.— А. Н.) — туркмены, отразим их от дома нашего!»⁷¹. И малоазиатские кочевники, предав Байазид I, перешли на сторону Тимура, предприняв тем самым разгром османской армии.

Каковы же были итоги Анкарского сражения? Едва ли можно сводить их к одному результату. Действительно, Османской империи был нанесен тяжкий удар, за которым последовали несколько лет усобиц между сыновьями Байазид I, усугубленных крестьянской войной в пределах империи. Но не следует преувеличивать «заслуги» Тимура и здесь. Уже в 1413 г. Мухаммед I, победив своих конкурентов в борьбе за верховную власть, начал успешную борьбу с Венецией, а в 1422 г. его преемник, Мурад II, предпринял очередную осаду Константинополя. Таким образом, европейская экспансия Османской империи возобновилась через какой-нибудь десяток лет после поражения Байазид I, а через 20 лет турецкий султан опять осаждал столицу Византии. Передышка, которую она получила, оказалась не столь уж длительной. Зато погром, учиненный войсками Тимура в Малой Азии, тяжело отразился на положении греческого, турецкого, армянского и других народов.

И, наконец, посмотрим, какова была действительная роль Тимура в истории Северной Африки, а точнее, Египта (о каких-либо взаимо-

⁷⁰ Абу Бекр Тихрани. *Китаб Дийарбакирийа*. Анкара, 1962, стр. 47—52 (история Ак-коюнлу, написанная на персидском языке в XV в.); Гаффар И. *Тарих-е джахана*. Тегеран, 1964, стр. 248 (на перс. яз.).

⁷¹ Ибн Тагрибарди. *Указ. соч.* Т. 12, стр. 267.

отношениях Тимура с другими странами этого региона ничего сказать нельзя). Если можно еще, хотя и с большой натяжкой, утверждать, что победа Тимура над Байазидом на короткий срок отдалила падение Константинополя, то заявление о том, что Тимур сыграл «спасительную» роль в отношении стран Северной Африки, совсем голословно. В XIII—XV вв. Египет, управляемый мамлюкскими династиями кыпчакского и черкесского происхождения, был одной из сильнейших держав того времени. Под его властью находились Палестина и Сирия. В свое время именно Египет сумел дать отпор ордам Хулагу-хана, и вся политика Тимура по отношению к арабским странам доказывает, что он и в данном случае выступал как преемник монгольских ханов.

Впервые Тимур вторгся в Сирию, подчиненную Египту, в 1395—1396 гг.⁷², но еще за два года до этого его войска после опустошения Месопотамии захватили округ Мардина, находившийся под контролем египетского султана Баркука⁷³. Таким образом, Тимур еще тогда вступил с Египтом в конфликт, предпосылки которого назревали уже давно. За много лет до этого, когда осложнились отношения между Тимуром и Тохтамышем в 1385 г., последний, продолжая исконную политику Золотой Орды как естественного союзника Египта против монгольских правителей Ирана, посылал посольства в Каир⁷⁴. В 1394—1395 гг. имели место переговоры о золотоордынско-египетском союзе против Тимура, к которому должны были присоединиться правитель Кара-коюнлу Караяусуф и турецкий султан⁷⁵. Тимур пытался расстроить этот союз, посыл в Египет. Но Баркук остался верен соглашению и приказал убить Тимурова посла⁷⁶. Египетские владения от нашествия Тимура спас тогда Тохтамыш, за что и заплатил разгромом 1395 года. После этого Тимур опять появился в Сирии в 1396 г., но внезапно ушел на восток, в индийский поход. Ибн Тагрибарди считает, что уход Тимура на сей раз объяснялся его боязнью столкнуться с Баркуком⁷⁷. Когда же последний в 1399 г. умер, Тимур, еще раз разорив Азербайджан, Грузию и другие страны, снова вторгся в египетские владения. Действия его в Сирии, как и повсюду, сопровождались разорением городов, пленением жителей и т. п.⁷⁸. Египетский султан Фараг пытался организовать отпор Тимуру, но после успехов того в Сирии и особенно после поражения своего союзника Байазидом при Анкаре признал себя вассалом Тимура, обязавшись даже чеканить монету от его имени⁷⁹. Лишь узнав о смерти грозного завоевателя, Фараг стал снаряжать войска для возвращения утраченных территорий.

Перечисленные выше события показывают, что Египту угрожал в то время не турецкий султан, а Тимур. Хотя отношения между Египтом и Османской империей не были дружественными, едва ли можно утверждать, что к моменту вторжения Тимура в страны Передней Азии Османская империя серьезно угрожала самостоятельности Египта. Она еще не была достаточно сильна для этого. Египет и его сирийские владения были захвачены Селимом I только в 1516—1517 годах. Но прежде чем совершить этот акт, туркам нужно было окончательно укрепиться на Балканах, ликвидировать независимость и полунезависимость эми-

⁷² Там же, стр. 261.

⁷³ Lane-Poole St. A History of Egypt in the Middle Ages. L. 1968, pp. 331—332.

⁷⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. V, стр. 566.

⁷⁵ Lane-Poole St. Op. cit., p. 332.

⁷⁶ Ibid.; В. В. Бартольд. Сочинения. Т. V, стр. 566.

⁷⁷ Ибн Тагрибарди. Указ. соч. Т. 12, стр. 261.

⁷⁸ Описание разорения Алеппо, Дамаска и других сирийских городов см.: Ибн Тагрибарди. Указ. соч., стр. 223—245. Я намеренно цитирую этого автора, а не Ибн Арабшаха, которого упрекают в пристрастном отношении к Тимуру.

⁷⁹ Lane-Poole St. Op. cit., p. 334. Такие монеты неизвестны, и можно считать, что их не чеканили.

ров восточной части Малой Азии и нанести решительное поражение премнику Кара-коюнлу и Ак-коюнлу (в Армении, Азербайджане и Иране) — государству Сефевидов. Таким образом, никаких оснований изображать Тимура «спасителем» Египта нет. Египетские историки XV в. не скрывают своей враждебности к Тимуру. И это была не личная озлобленность (в чем еще с некоторым основанием можно подозревать Ибн Арабшаха), а ненависть к врагу, унизившему их страну. Не случайно Ибн Тагрибарди завершает описание разорения Тимуром Дамаска словами: «Тимур, да проклянет его аллах, ушел из Дамаска в субботу 3 ша'абана»⁸⁰. А Ибн Тагрибарди (1411—1465 или 1469 гг.) не принадлежал к современникам Тимура и мог более спокойно судить о событиях конца XIV — начала XV века.

Итак, о чем же говорит анализ основных вопросов, связанных с оценкой Тимура и его роли в истории Мавераннахра, Руси и других европейских стран, а также Египта? При достаточно беспристрастном разборе фактического материала перед нами встает фигура второго Чингиз-хана, крупного военачальника и дипломата, прилагавшего известные усилия для обеспечения благосостояния своего «коренного улуса», но одновременно беззастенчиво грабившего и опустошавшего многие страны. Временный подъем Мавераннахра, который наблюдался в XV в., был в значительной мере обусловлен результатами грабительских войн, выкачиванием материальных богатств и людской силы из покоренных Тимуром стран и потому не был устойчивым. Таким образом, роль Тимура в истории и Средней Азии и народов других стран, которые соприкасались с его ордами, является реакционной, так же как и роль его предшественника Чингиз-хана.

⁸⁰ Ибн Тагрибарди. Указ. соч. Т. 12, стр. 245.